

НАША СТРАНА

Год издания — 42-ой. Буэнос Айрес, суббота 30 июня 1990

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 30 de junio de 1990

№ 2082

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

ЦАРЬ ОТДАВШИЙ ЖИЗНЬ ЗА НАРОД

(К 72 - ой годовщине царевубийства)

В этом году исполняется 72-ая годовщина той роковой, страшной ночи с 16 на 17 июля.

Вовсе не надо быть монархистом, чтобы болезненно, с искренней печалью и негодованием вспоминать отвратительное злодеяние, совершенное в Ипатьевском подвале в 1918 году.

Надо только быть русским патриотом, верным и честным сыном России, наконец, просто порядочным человеком.

Действительно, для всякого нормального русского человека, где бы он ни был, убийство Царя и Царской Семьи является печальнейшим событием истории России, позорнейшим пятном на нашей национальной совести. Как могли мы, русские, допустить, чтобы случилось в нашем отечестве что-либо подобное?

Мы ищем виновников на Западе — и они были. Мы их обвиняем — и есть за что обвинять. Все это важно, но это частности по сравнению с пассивностью русских людей вообще по отношению к убийству своего Царя. Нет, слагать вину на других нечего. Мы обязаны были все защитить Царя. Страшная ночь с 16-е на 17-е июля была лишь только началом темной ночи для всего русского народа, который несет ответственность за это злодеяние. Одни были виноваты меньше, другие больше, но во всяком случае поистине мы все виноваты за происшедшее. «И если главные роли в трагедии Императорской фамилии были исполнены не русскими, то статистами и зрителями в большинстве были русские. Именно те, кто чтит «Царя-батюшку» чуть ли как не земное божество, ничего не сделали, чтобы спасти Его от казни; нашелся один из таких даже среди палачей». (Роберт Вильтон, «Последние дни Романовых», Берлин, 1922).

В лице Царской Семьи была убита совесть, не только в России, но и во всем мире. Больше всего, конечно, пострадала Россия и русский народ. Россия была ввергнута в пропасть коммунистического безумия, голода, расстрелов, тюрем, ГУЛАГов и неопикуемых страданий и жертв.

Всем известно, как на Западе, так и сейчас в нашем отечестве, какую огромную роль сыграли «интернационалисты» и в революцию 1905 года, и в Февральскую 1917 года, и в Октябрьскую, где они составляли почти весь «верхний этаж власти».

По данным, опубликованным в брошюре «Кто правит Россией?», изданной в 1920 году обществом «Единство Руси», Совет Народных Комиссаров в 1918 году, то есть тех, кто фактически правил Россией, состоял из 3 русских, 2 армян и 12 евреев. Как писал один из них — Ленин: «Россия завоевана большевиками». А как и кто над ней господствовал и ею правил, об этом пишет Михаил Лобанов в статье «Челночные перестройщики». («Московский Литератор», 29 апреля 1989):

«... так подзабыл новую семидесятилетнюю, отечественную историю, что считает видимо за русских — «кто расстреливал» — и первейшего народного комиссара, первого же, так сказать, народного архитектора повсеместных концентрационных лагерей Троцкого, и кровавого вдохновителя терроров Зиновьева, и инициатора

пути к порабощению человечества.

Горький писал в 1924 году, что Троцкий «наиболее чужой человек русскому народу и русской истории», и это можно применить ко всем тогдашним правителям России и убийцам Государя. Ведь именно ими полным ходом осуществлялась ленинско-троцкистская программа — денационализация России, поругание ве-

дал свою жизнь за народ. Жертва русского Самодержца оказалась не напрасной, ибо не благодаря ли именно ей, русский народ, несмотря на советскую мясорубку, сумел отстоять свое национальное самосознание и карта «интернационалистов» на превращение русских людей в «людей советской расы» оказалась битой.

Потому-то все чаще и чаще можно прочесть в советской прессе статьи о «бессудной казни Царской Семьи» и такие, широко известные *русские* писатели, как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Распутин, С. Куняев, В. Можайев, В. Белов и другие, против коих метают гром и молнии «интернационалисты» и в Советском Союзе и на Западе, в своих статьях безоговорочно осуждают «преступное и изуверское уничтожение Царя и Его Семьи».

Конечно, слышны и другие голоса. В очерке «Вольность» («Комсомольская Правда», 28 октября 1986) Е. Лосото, широко известная своими погромными статьями, направленными против возрождения русского национального самосозна-

ния, писала: «... партия большевиков решила затянувшуюся историю «цареубийства». Семейство Романовых, обогрешное кровью русских революционеров всех поколений, наконец-то исчезло с лица земли. Вот это и есть святая *русская правда*».

Последнее предложение нельзя назвать иначе, как кощунством, на которое способны только люди, совершенно чуждые русскому народу и его духовно-нравственным заветам. Только для подонков, лишенных всякого нравственного начала, подлое убийство Царя и его невинных детей может быть принято как «святая *русская правда*».

Многие годы русские люди в ответ на вопрос об участниках Екатеринбургского злодеяния стыдливо (или трусливо) вжимают голову в плечи и делают вид, что не понимают, о чем идет речь, боясь трескотни политических ярлыков. Называют преступление, но стороной обходят имена преступников.

Но теперь в нашем отечестве наступил новый этап. На волне растущего патриотического подъема третируемая и теснимая правда о убийнии Царской Семьи наперекор давлению переходит как бы в наступление, и более или менее свободно обсуждаются факты цареубийства.

Пора в полный голос сказать правду, и в Зарубежье назвать настоящие имена цареубийц «... не боясь узреть напряженно-прищуренный взгляд русофоба». (Марк Любомудров: «Извлечем ли уроки». «Наш Современник», 2 февраля 1989 г. *)

Хотя русскому народу в Советском Союзе особенно в последние годы стали известны имена некоторых убийц Государя и Его Семьи, все же многое остается тайной не только для русских, но и для всего человечества. Что значит странная кабал-

неслыханного по жестокости истребления казачества на Дону Свердлова и палача кубанских крестьян во время коллективизации Кагановича, и обоих Френкелей — того кто зверствовал на Дону в качестве Донбюро и его однофамильца — начальника Беломорканала, построенных на костях неисчислимых жертв. И наркома Ягоду, главных следователей его зловещего НКВД, и начальников ГУЛАГа?»

Теперь стало известно русским людям в Советском Союзе, что физическими исполнителями страшного преступления были в большинстве «интернационалисты», люди, совершенно лишенные всякого нравственного начала. И можно с уверенностью сказать, что главными организаторами убийства русского Царя и Его Семьи были чужеродные русскому народу «интернационалисты»: Свердлов, Голощекин, Ваясбарт, Юровский, иже с ними, которые по указу других «интернационалистов» — Ленина и Троцкого совершили Екатеринбургское цареубийство. «Интернационалисты», для которых Императорская Россия — Россия права, совести, православия — была на их

ры и массовый террор, истребивший лучшую часть генетического фонда русского народа.

Царь был олицетворением Государства Российского и потому надо было уничтожить Царя, истребить Царскую Семью. Убив русского Царя и истребив его Семью, «интернационалисты» были уверены, что российское государство уничтожено, и что на его месте они устроят свою власть, превратив «бывшую Россию» в базу и исходную цитадель похода против человечества для мирового владычества коммунизма, использовав русский народ как послушное орудие для этой цели. Однако искушенные в цареубийствах и геноцидах «интернационалисты» сильно просчитались. Великая жертва русского человека Николая Александровича Романова Государя Всея Руси, принесенная им в ночь с 16-е на 17-е июля 1918 года была как симметрическим отзвуком на великую жертву русского крестьянина Ивана Сусанина, спасшего своей жизнью Царя и тем Российское Государство. Сусанин — олицетворение народа — отдал свою жизнь за Царя. Государь Николай II — оставшийся и до сих пор олицетворением государства от-

лирическая надпись, появившаяся в Ипатьевском доме непосредственно сразу после убийства и кто же ее начертал?

Пишет Роберт Вильтон:

«Вряд ли это были физические убийцы, ибо никто из них не мог обладать познаниями древних арамейских, самаритских и греческих писмен. Для этого надо было быть знатоком кабаллистических знаков, из которых состояла надпись».

Об этой кабаллистической надписи и надписи на немецком языке, взятой из поэмы Генриха Гейне «Бельзацер»: «Валтасар был этой ночью убит своими слугами», начертанной на стенах полуподвальной комнаты, писал автор известного труда о Екатеринбургском злодеянии в книге «Последние дни Романовых» Роберт Вильтон, корреспондент английской газеты «Таймс», бывший в эту эпоху в Сибири и принимавший участие в следствии в Екатеринбурге совместно с Н. Соколовым, автором книги «Убийство Царской Семьи».

«Еврей с черной как смоль бородой», прибывший повидимому из Москвы с собственной охраной к моменту убийства в обстановке крайней таинственности — вот вероятный автор надписи, сделанной после убийства и после ухода «латышей», занимавших полуподвальное помещение: последние были на это по своему низкому умственному развитию совершенно неспособны... Надпись, сделанная кабаллистическими письменами на стене комнаты убийства в доме Ипатьева, была воспроизведена в английском издании моей книги и по этому поводу я получил несколько писем от лиц, сведущих в криптографии. Установлено, что секретные «коды» некоторых обществ, которые имеют свои главные управления в Германии заключают в себе письма, подобные Екатеринбургской надписи».

Здесь следует сказать несколько слов о самом Р. Вильтоне, честном человеке, компетентном журналисте, и знатке дореволюционной России, которую он не только ценил как положительный фактор мирового значения, но уважал и любил.

Роберт Вильтон — англичанин, давнишний корреспондент влиятельной английской газеты «Таймс» в России, награжденный лично Государем (наперекор орденскому статусу — будучи штатским) георгиевским крестом за сражение под Барановичами, где он выказал мужество и хладнокровие. В предисловии к русскому изданию он так пишет о себе: «Автору, выросшему в России и впитавшему в себя любовь к ней, дорога мысль, что он хоть сколько-нибудь может способствовать такому просветлению, освещая русских людей об ужасном мученичестве их бывшего Царя и Его невинных детей».

Следует также отметить, что вскоре после появления его книги в первом ее английском издании, Р. Вильтон был уволен из газеты «Таймс», так как ее издатель лорд Норклифф был устрешен «общественным» мнением, которое сочло книгу Р. Виль-

*) К слову, о распространенной тенденции переименования, начавшейся в 1918 году, писал с возмущением В. Астафьев: «... плохие люди, гады, сволочи, продажные пикуры, ловкачи и рвачи — по кем-то установленным, и ревниво, даже болезненно соблюдаемым правилам, должны носить в современной нашей литературе русские фамилии, ну в крайности, украинские или белорусские». («Зрчий юсоч», март 1989).

тона вредной. В связи с этим книга Вильтона замалчивалась печатью, и ее было трудно найти в книжных магазинах, так как она затрагивала подавляющее участие «интернационалистов» в одном из самых судьбоносных вопросов истории русского народа, в убийстве Царя, которое выразилось в владычестве интернационального коммунизма в России.

С Вильтоном можно соглашаться или не соглашаться, но его книга, кроме книги Н. Соколова «Убийство Царской Семьи», является пока почти единственным компетентным материалом об Екатеринбургском злодеянии.

В предисловии к русскому изданию он писал: «Впрочем, пусть русский читатель, прочитав рассказ автора, сам решит, кто прав, кто виноват. Объективное изложение дела дает полную возможность сделать надлежащее заключение».

И в настоящее время в Советском Союзе русский народ, получивший частичную возможность ознакомиться с содержанием его работы и книгой Н. Соколова о Екатеринбургском злодеянии без сомнения сделает свои выводы. **)

В газете «Московские Новости» от 16 апреля 1989 года была напечатана беседа с публицистом Гелием Рябовым под названием: «Земля выдала тайну. Найдено место захоронения семьи Романовых — последнего русского самодержца и его семьи». В своей беседе Рябов указал, повторяя Вильтона и Соколова, что «почти во всем, что сопрягается с исторической драмой бессудной казни Царской Семьи, есть какая-то загадка». Весьма интересно и другое. «Его просьба у первого встречного в Свердловске повести его в Ипатьевский дом, не вызвала удивления — оказывается, интерес к «Дому Особого Назначения» проявляли все приезжие в том числе по его словам и «высокие гости»».

Рябов подчеркнул в ходе беседы, «что он почувствовал, что на нем лежит ответственность за все жестокое, что не вычеркнешь из отечественной истории, за все, что сопровождало великие катаклизмы, потрясшие Россию». Но особенно интересно в его беседе, что русский народ не забыл мученически убиенного «последнего русского Самодержца и его семью», а именно, что если бы была бы хотя малейшая возможность у русских людей узнать место захоронения, то их могила превратилась бы в место паломничества.

Этим Рябов объясняет решение власти о сносе Ипатьевского дома.

**) В книге «Гибель Царской Семьи» (Франкфурт на Майне, 1987) английскому журналисту дается следующая характеристика: «Роберт (Альфредович) Вильтон был корреспондентом лондонского «Таймса» в России и еще по фронту Первой Мировой войны знал генерала Литерихса. Оказавшись в Сибири, он сделался его постоянным спутником и часто сопровождал его в течение 1919 года. Вильтону поручили с Соколовым. Вильтону адмирал Колчак поручил заведование фотолабораторией, изготовлявшей снимки для следствия. Так же как и Соколов, Вильтон покинул Екатеринбург совсем незадолго до прихода красных. Он был наблюдательным и умным человеком и написал ценный труд о гибели Царской Семьи. Приходится сожалеть, что труд этот — пишет составитель книги солидарист Н. Росс — много терпит от нецензурированной «широкой» концепции о еврейско-немецком заговоре, якобы лежащем в основе всех обстоятельств последних месяцев жизни Царской Семьи. Вернувшись в Англию Вильтон платился за свои идеи, неприемлемые для широкой английской общественности, лишением работы в «Таймсе»».

взорванном в 1977 году, «чтобы не провоцировать монархические вылазки». В общем-то его версия убийства Царской Семьи не отличается от версии Вильтона и Соколова, хотя он и не упоминает имена всех виновников преступления. Вероятно, время пока еще не пришло!

Кроме того, подчиняясь давлению новосозданного общественного мнения «гласности», об убийстве Царской Семьи в журнале «Огонек» (# 21, май 1989 год) была опубликована статья некоего Эдварда Радзинского под весьма неточным названием: «Расстрел в Екатеринбурге». Страшное убийство Государя и Его Семьи в подвальном помещении Ипатьевского дома вряд ли можно назвать лишь только «расстрелом». В статье, которая в большинстве повторяет материалы Соколова и Вильтона, автор даже умудрился придать главному палачу Юровскому образ доброго отца, который при смерти говорил своим детям о «светлом будущем». Но, как широко известно в патристических кругах в Советском Союзе, редактор журнала «Огонек» В. Коротич относится весьма враждебно ко всему, что касается подлинного прошлого России.

Юрий Кузнецов, донской казак, широко известный русский поэт, творчество которого зиждется на могучей народной основе и пронизано до каждой строки чувствами человека, любящего Россию, в своем кратком стихотворении «Откровение обывателя», весьма созвучным со временем и событием убийства Государя и Его Семьи пишет:

И Господь возлюбил непонятно любовью
Русь Святую, политую Божеской кровью.
Запах крови учул противник любви
И на землю погнал легионы свои.

Я увидел: все древо усеяли бесы
И, кривляясь, галдели про черные мессы
На ветвях ликовало вселенское зло:
Наше царство пришло! Наше царство пришло!

За эти и другие стихи, как например: «В колыбе врагов займемся русским делом». Юрию Кузнецову были немедленно пришиты ярлыки «шовиниста», «мракобеса», «черносотенца» и конечно «антисемита».

С Кузнецовым перекликается и В. Солюхин в своих произведениях об ужасающем положении русской деревни, русского крестьянина, о гибели русской культуры и о геноциде народа.

Пишет В. Солюхин в книге «Читая Ленина»:

«Но вот Россию завоевала группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране жесточайший «оккупационный» режим, какого ни в какие века не знала история человечества... Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть несколько десятых процентов населения России, и все же лавины, режани, стреляли, морили голодом, и насильничали как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках».

И естественно, он поднимает вопрос: как и все мыслящие русские люди? Зачем? Ради чего? С какой целью? В. Солюхин дает ответ на этот существенный вопрос: «... чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм». Теперь всем известно в Советском Союзе, что те на верхнем этаже власти в 1921 году хорошо знали, зачем они

это делают, когда составляли план превращения народа и, особенно свободных, инициативных российских крестьян в безликую армию батраков, или скорее, бесправных рабов. Нужно было переломать хребет крестьянству коллективизацией, унижить русский народ, его обезьянить, ввергнуть в глухую немоту, отнять историческую память и уничтожить элиту нации. Вот именно об этом плане и пишет в своих стихах Юрий Кузнецов:

Там котел на полнеба рвет,
Там река не туда повернет,
Там Иуда народ пролает.
Все как будто по плану идет,
по какому-то адскому плану.

Об этом «адском плане» также предупреждал и известный публицист и писатель Г. В. Немирович-Данченко. Еще в 1922 году, два года после братоубийственной Гражданской войны, он пишет:

«Кучка чуждых России людей, завершившись в Кремле, культивировали Гражданскую войну, стремясь стереть с лица земли здоровые силы народа, превращая Россию в гигантский костер, от которого занялся бы весь мир». («В Крыму при Врангеле, факты и итоги». Г. В. Немирович-Данченко. Берлин 1922 год).

Но вернемся к Государю. Все в его жизни и смерти свидетельствует в его пользу — не только перед русской и мировой историей, но и перед судом вечного правосудия. В настоящее время мир является свидетелем, что сердца многих русских людей в нашем отечестве в порыве жалости и раскаяния приобщают имя Государя к лику святителей, следуя примеру Русской Зарубежной Церкви.

В сознании миллионов русских людей вступает в права подлинная история России с ее традиционными, духовно-правственными заветами, и омерзительное убийство русского Царя и Его Семьи оценивается ими по существу.

Будем же надеяться, что русские люди и в нашем отечестве и на чужбине при всех обстоятельствах всегда и везде, честно и мужественно вступят на защиту светлой памяти русского Самодержца и Его Семьи.

Я закончу пророческими словами святого Иоанна Кронштадтского, сказанного им за долго до февраля 1917 года: «Бедное отечество, когда ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и отечеству, и чистоты нравов».

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

«ТУМОНД»

С. Р. Л.

Новое туристическое бюро.

Групповые и одиночные поездки во все концы мира.

Турне. Конгрессы. Съезды.

Говорят по-русски.

Обращаться к Евгении Николаевне

Меньшиковой.

Адрес: Lavalle 636, 2º

- of. 2, Capital.

Tel. 322-2232.

Н. КУСАКОВ

ДЕМОКРАТИЯ VERSUS СОБОРНОСТЬ

(С о - и п р о т и в о - п о с т а в л е н и е)

Передо мною брошюра З. А. Крахмальниковой «Горькие плоды сладкого плена» (Монреаль, 1989) и статья Александра Казакова перепечатанная парижской «Русской Мыслью» — «Опасные симптомы». Статья появилась в неформальном московском журнале «Выбор», номер 8. Как установлено при личной встрече с москвичами журнал «Выбор» известен в эмиграции, но в самой Москве о нем слышно мало.

Обе работы говорят о беспокойстве судьбами русской Церкви со стороны русских верующих людей, говорят о печалах недавнего прошлого и с тревогой всматриваются в будущее, не сулящее ничего хорошего, поскольку на русской земле, вся власть в стране полностью принадлежит коммунистической партии. Обе названные работы заслуживают серьезного внимания. Обе говорят об искренности авторов, и обе то там, то здесь являют их не вполне достаточную осведомленность. Более детальное рассмотрение положительных и отрицательных штрихов отложим до другой беседы и посвятим настоящей очерк исключительно теме, стоящей в заглавии. Это тема не только служит оценке прошлого и настоящего, но ориентирует на будущее и, если умы и сердца, от которых будущее окажется в зависимости, станут следовать стрелке компаса названных авторов, то все, кто им последует попадут в тяжкую беду. Желая предотвратить ее, мы и беремся за перо.

Судя по высказыванию З. А. Крахмальниковой, иерархи Московской патриархии заслуживают сурового обвинения в том, что они «нарушили незыблемый евангельский принцип абсолютного демократизма» (стр. 35), что «церковный тоталитаризм» Московской патриархии является «продуктом отсутствия всяких начал демократизма» (стр. 36), и сама г-жа Крахмальникова говорит, что взаимоотношения между церковной иерархией и православным народом во время первохристианства были основаны на «абсолютном демократизме» (стр. 50).

А. Казаков видит каноническую чистоту патриаршей Церкви в том виде, в котором она обновилась после Поместного Собора 1917-1918 года (см. 3-ий абзац 2-го пункта «Новое обновленчество» в названной статье). То есть, каноническую чистоту А. Казаков видит в текстах постановлений Собора, которыми определялась административная структура русской Церкви в условиях создававшихся Временным Правительством и стоявших в соответствии с демократическим конституционализмом Монтескье и Руссо. Тексты подробно рассматривали права и обязанности патриарха, пределы его юрисдикции, его подотчетность перед периодически созываемыми Соборами, которым, собственно, принадлежит власть в Церкви.

В этих постановлениях выходит наружу глубокая прелесть рационального демократического мышления, чуждого Церкви, в которую мы веруем.

Прелесть есть дьявольская ложь, укрываемая и укрывающаяся под видом правды, а то и праведности или даже Истины (Сравн. Кор. 11-й, 3-й, — «Змей прельстил Еву»). И я сейчас беру перо в руки, чтобы сказать моим современникам, — слушайте! Если и когда бы то ни было, Церковь дей-

ствительно и окончательно окажется бесповоротно на путях демократии, то это явится признаком полной потери того важнейшего явления бытия Церкви, которое называется соборностью. Она перестанет быть Церковью, хотя бы и оставалась при тех же ритуалах и тех же изречениях догматики, впрочем тогда уже опустошенной и бессильной.

Демократия и Церковь суть предметы, совершенно чуждые друг другу.

Демократия приходит к своим решениям путем подсчета голосов и волею большинства действует вопреки свободе меньшинства.

Соборность действует иным порядком. Она говорит, — «Изволися Духу Святому и нам...» Хотя судя по внешности и можно говорить о некоторых свойствах, определяющих подобие между ними, каждая из них представляет собою вещь настолько чуждую другой, что стоит специально всмотреться в каждую из них. Действительно, на первый взгляд и там и там для решения собрания, община обращается к подсчету голосов, но в Церкви решает не этот подсчет.

О БОЛЬШИНСТВЕ

Решения по большинству голосов известны из стари и можно сказать повсеместно. Так было в Афинах. Так было в Новгороде и в Киеве. Вече, которое многим представляется в виде грубом и не заслуживающем уважения. Крайность есть крайность и принцип не в ней. В принципе тут было господство физической силы множества, количества. Но это было так в древности.

Большинство демократически построенного общества, то есть не «вечевое», в наше время по сравнению с древностью представляет совершенно иную картину, ибо суть здесь лежит в ином принципе и находится достаточно глубоко. Не надо забывать и того, что в те древние времена решение в конце концов делал в Киеве князь, в Новгороде

посадник и в Венеции кто-либо из дожей. Впрочем, обратимся к принципам современной демократии.

Демократическая организация есть порождение мысли английских эмпиристов Фр. Бэкона (1561-1626) и его последователя Джона Локка (1632-1704). В основе демократического мышления лежит абсолютная вера в естественный закон (natural law), на основании которого Локк изложил эмпирическое, то есть установленное на физическом, чувственном, опыте понимание духовного существа человека. Это понимание он изложил в сочинении, озаглавленном «О человеческом понимании» (или «Сознании») — "On human understanding". Главная мысль этого труда состояла в том, что человек родится в земную жизнь, не имея ни данных, ни задатков к духовной стороне своего бытия. Сознание, понимание, образуются в человеке в результате приобретения им физического опыта, который, отражаясь на чистой дощечке его разума образует его интеллектуальный облик. Это и есть учение о *табула раса*. С распадом тела приобретенный физическим опытом его дух, его интеллект, перестает быть. Как по Эпикуру! В понимании Локка, человек не имеет ничего общего с тем понятием, в котором он представлен в Библии и в учении Церкви. Рождаясь только как плоть, человек не связан ни первородным грехом, ни врожденным ему духом, ни обещаниями о том, что будет в «той» жизни, ни проистекающими отсюда обязанностями перед родителями и окружающим обществом, будь то семья, или деревня или город. Он совершенно свободен.

Это антропологическое учение Локк развил в учение политическое, которое он изложил в другом капитальном труде, известном под заглавием «Два Трактата о Правлении» ("Two treatises of government"). Здесь речь уже не о человеке, а о государстве. Логически исходя из понятия о человеке, который не есть ни образ Божий, ни подобие Божие, который не связан никакими обязательствами, Локк выработал идею о

свободе (2-й Трактат гл. 2-я, п. 4-й), следствием которой он провозгласил понятие о равенстве между всеми людьми и отверг древний принцип отцовской власти (Patria potestad), с чем установил принцип братства (1-й Трактат, гл. 11-я, п. 122), откуда и родилось знаменитое трехсловие Французской революции. Оно покатилося по всему миру, нарастая, как снежный ком и ведя человечество в пропасть всемирной революции.

В этом же сочинении Локк разработал идею о том, что монарх не имеет права на верховную власть, откуда следует право народа на свержение монархии и на убийство короля, если он станет сопротивляться. (2-й Трактат, гл.3-я, п. 8-й).

Таким образом философия Локка оказывается совершенно чуждой христианской вере и библейскому пониманию человека и общества.

Ограниченная узкими рамками натурального закона (natural law) она привязывает ум и сердце к земле и исключает из поля зрения тайны онтологии, и остается в тусклой атмосфере атеизма, а антропологически она сводит человека на уровень скота и политически разрешает, оправдывает и императивно направляет ум и сердце на путь революции. Тем самым эта философия рисует общество в виде и форме лишенном всякого возглавления, чем утвердилось полное безначалие. Но Локк понимал, что без воглавления общество обречено на распад. Это заставило его обратиться мыслью к вопросу организации общества. Как быть обществу, которое само по себе есть множество, есть политическое тело? Какому же закону должно подчиняться общество, если оно состоит из единиц, абсолютно свободных?

Ответ Локк нашел в принципе «согласия большинства» (consent of majority). Так, правильным будет то решение, с которым будет согласно большинство! И Локк пишет: «акт большинства принимается, как акт целого и, разумеется, определяет, как говорит Закон Природы и Разума, (law of natur and reason) власть целого» (2-й Трактат, гл. 8-я, п. 96-й).

Так было найдено необходимое возглавление общества, лишенного как монаршей и родительской власти, так и свыше преподанного Закона. Находка эта, следует подчеркнуть, была сделана Локком в духе суждений, ограниченных понятием естественного закона (natural law) и законом разума (law of reason). Для того, чтобы согласиться с Локком, нужно прежде всего принять веру в этот закон и совершенно закрыть глаза на самую возможность существования нравственного закона, находящегося в святом Писании. А это возможно лишь в том случае, если и когда мыслящий ум станет на позиции полного атеизма.

Стоит в картину, построенную эмпиристами, вписать онтологически обнаруживаемую действительность бытия Бога, со страниц Библии говорящего с человечеством, как эта постройка распадается и приходит к небытию. Это и есть причина непримиримой ненависти всего революционного, к вере, к религии, к Церкви и прежде всего лично к Богу.

Еще одно поколение, и свет увидит плевелы, взошедшие из семян посеянных Локком. Народились люди, целиком впитавшие змеиный яд философии эмпиризма, выросшего из

РОССИЯ БУДЕТ СПАСЕНА МОНАРХОМ

(а к р о с т и х)

Россия просветлеет после гроз
Она возвысится монаршей короной.
Самодержавие, ты — лучезарный блеск
Созвездий Богом посланного трона.
И люди Бога молят, говоря:
«Яви нам чудо — возврати Царя».

Бед натерпелась Русь от корчеванья
Удушья, лжи номенклатурных харь.
Дождаться б нам до дней коронованья
Едины все в надежде жить как встарь:
Ты — праведность, наш православный царь!

Создать на месте разрушений храмы,
Поднять на звонницах колокола,
Актив безбожников бить гласно срамом.
Согнать с души партийца вирус зла.
Есть нам о чем заботиться упрямо.
Народ желает изо всех углов
Антихриста изгнать — большевиков!

Могучий царь — для наших ран — лекарство:
Он выветрит весь ленинский угар,
Низложит власть и зверства и коварства:
Ад запаливший «мировой пожар» свой
Разрушит Богом посланный удар —
Хамью партийному конец положит Царство.
О востисий, как солнечный янтарь,
Могучий православный русский Царь!!!

рационализма. Эти люди назвали себя «просвященными» и взялись за перестройку всего того, на что бы ни упал их взор.

Они сочли, что все, до них, было плохо, и что теперь они все переделают и все будет хорошо. Им надо было перестроить государство, общество, армию, школу, семью и, конечно, надо было устранить религию вообще, а христианскую в особенности. Задача была в том, чтобы освободить человека, осуществить его эмансипацию. Слово, к которому все так привыкли, что не задумываются о его настоящем смысле. А смысл в том, что эмансипация есть акт снятия кандалов с запястий на руках. Эмансипаторы решили, что весь мир в кандалах! И что, как не религия, налагает кандалы на запястья рук? Что, как не религия сковывает волю поминутно толкуя о Божьем Законе?

Но здравый смысл эмансипаторов давал себя знать. Было ясно, что одно отрицание не может вести к разумному завершению дела. Нужно было утверждение. Ведь разрушение имело в виду создание нового? Для этого нового требовалось основание. И оно было найдено.

Жан Жак Руссо (1712-1778) «красноречивый сумасброд», как его назвал А. С. Пушкин (см. «Евгений Онегин» гл. 1-я, стр. 24), дал искомое. Литературный талант привлекавший к своим писаниям множество читающей публики, выступил с философско-политическим трактатом, озаглавленным словами «Общественный договор». Это сочинение Руссо вскоре сделалось схемой всей архитектуры Французской революции, ибо в нем революционеры нашли духовную, интеллектуальную сущность, которой они смогли заменить нечеловеческого атеизмом незримого законодателя и его последнее слово, дающее заключительное решение независимо от решения большинства. Именно так. В поисках безусловного закона Руссо измыслил «всеобщую волю» (volonté générale).

Мысль Локка «акт большинства есть власть целого» воспринята у Руссо, и во имя «волонте женераль», якобинцы воздвигают гильотину и когда конституционные права короля Франции служили ему в оправдание на суде, которому его подвергла революция, тогда, сославшись на один голос большинства, обвинитель, Сан Жюст, потребовал смерти Людовика 16-го. На основании аргумента большинства, выразившего всеобщую волю, революционный суд утвердил смертный приговор королю, и монарх Божией милостью, своей кровью обогрел порог, через который Франция из безразличия к вере в Бога вступила в эпоху богоотступничества.

Большинство — вещь опасная. Большинство легко склоняется перед обманом, перед прелестью, и очевидно именно по этой причине в Моисеевом Законе прямо сказано: «Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды», — Исх. 23, 2.

Всеобщая воля для самого Руссо являлась, как священная сила. В своих тетрадях он писал это слово с большой буквы и превозносил ее, как силу, даже превосходящую силу свободы. Так в конце 7-й главы читаем, что «если кто-либо откажется подчиниться всеобщей Воле, то вся община обязана принудить его к этому,

что обозначает не что иное, как то, что он будет обязан быть свободным». «Общественный договор» гл. 7-я.

Такова философическая основа демократического принципа. Не наше дело судить о том, как она применяется в политике. Тут Церковь Христова не причем и, думается, держится эта политика не на лозунгах демократизма, а просто на порядочности исполнителей... когда они порядочны, с чем уже предмет остается на совести читающего по известному слову, «иже чтет, да разумеет».

Но сказанное отчетливо ставит вещи на место, говоря, что мысля на путях веры христианской, говорить о «евангельском демократизме» не приходится никак. Нельзя так же искать каноническую чистоту там, где ее отыскивают на путях революционного демократизма. Эти поиски есть прелесть.

О СОБОРЕ 1917-1918 гг.

Разве там не восстановилась каноническая чистота? Разве там не был избран желанный для всей России патриарх? Был избран. И тут милость Божия, что хоть этот блик Святой Руси был явлен велегласно на весь мир. Были, слава Богу, и другие, но в общем?

В 1935 году иеромонах Михаил Любимов спрашивал владыку Германа Ряшенцева:

— Разве не прискорбно, Владыко, что большевики не дали провести в жизнь ни одного из решений Собора кроме восстановления патриаршества.

— Ну, и слава Богу, — последовал неожиданный ответ Владыки — нашими руками Церковь разрушается.

Владыка Герман в церковных сферах личность слишком хорошо известная, чтобы нуждаться в комментариях.

Отец Михаил, как говорится в просторечии, только рот разинул от удивления. Удивятся также многие и сейчас, узнав, что как ни торжественным было избрание и наставление Патриарха, червь змеиного яда «февральских» настроений был очень присущ деяниям Собора особенно в тех чертах повестки дня, которые были заложены еще в 1905-е годы. Это, как естественно понимать, не отразилось на воззваниях Патриарха и Собора, анафематствовавших большевицкую клику. Но... я давно спрашиваю, почему Собор не потребовал от Временного Правительства немедленного освобождения из под стражи Царской Семьи? Почему в дни Собора отставались в заключении у чинов Временного Правительства Петроградский митрополит Питирим (Окнов) и Московский митрополит Макарий? Холодное дыхание «Февраля» веяло в кулуарах Собора.

Все знают, что Патриарх был избран, что Патриаршество было восстановлено, но не знают форм, в которых Патриарх оказался поставлен действовать. Будущие «живоцерковники» немало сил положили на то, чтобы не допустить до полного восстановления Патриаршества.

— Какое нелепость! — восклицали они. — Россия, наконец, освободилась от единовластия, а тут в Церкви его снова вводят. Царя не стало, так нам теперь Патриарха на шею

хотят...

И живоцерковники не только пожимали плечами. Они свои желания проводили в постановлении «О структуре Церкви». В результате, — Постановления нашего поместного Собора 1917-го и 1918-го годов очень напоминают тексты конституций. Постановления «О Патриархе», о Высшем Церковном Управлении (ВЦУ), о Высшем Церковном Совете (ВЦС) со всеми их правами и обязанностями — очень напоминают тексты Конституций очень многих республик, и перечитывая их я не раз вспоминал владыку Германа с его восклицанием: «Не нашими руками Церковь разрушается».

Не забудем и того, что Собор только в самом начале мог идти нормальным путем спокойного обсуждения предлагаемых вопросов. Собор начался на Успение, в день на Введение совершилось наставление Патриарха, а на другой же день, то есть 5-го декабря 1917 года вышел декрет Ленина о суде, где параграф 8-й говорил об учреждении революционных трибуналов и особых следственных комиссий при советах. Родилась ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, залившая Россию кровью и слезами.

В Москве революционные Трибуналы дали себя чувствовать, так что хотя находились еще люди, сотрудничавшие с Патриархом в его воззваниях, целому ряду членов Собора, из числа деятелей «правого фронта» пришлось скрываться и бежать из Москвы.

Не удивительно, что целый ряд решений Собора оказался вынесен в атмосфере «церковной демократии», и это было результатом не только смятения, вызванного обстановкой уличных боев в Москве, но тем, что многие члены Собора, особенно из тех, кто в «Февральские дни» понадевал себе на рясу красные розетки, проводили свое мнение в тексты Соборных решений. Как же могло получиться, что русские священники, да не только священники, а некоторые архиереи, стали понимать и оправдывать революционный дух? Единственный ответ виден в том, что у них оскудела вера. Не напрасно Господь горестно воскликнул, — Сын человеческий пришел обречь ли веру на земле? (Л. 18, 8).

Церковь разрушается. Разрушается не только враждебными силами, но и змеиным ядом соблазнов прелесть, и если «евангельский принцип демократии», как то пишут горячие сердца, окажется осуществленным, тогда знайте, что конец мира близок. Близок по той причине, что тогда можно с уверенностью сказать, что Церкви уже не стало. Остался ее труп.

Ну хорошо! — слышно замечание. — Вот ты выяснил, что такое демократия, но как же определить что такое соборность? Есть ли ответ? Да. Ответ на этот вопрос есть. Вот он.

Здесь не время излагать православно-учение о Церкви. Полагаю, что имею беседу с читателем образованным и осведомленным в области экклесиологии. Поэтому непосредственно перехожу к вопросу о Соборности. С этим взор ума устремляется к 1-му Апостольскому Собору (Деян. гл. 15), и к 1-му Вселенскому и другим Вселенским Соборам. Их было 7.

«Премудрость созда себе дом и утверди столпы седьм» (Прит. 9, 1). В Апостольском Соборе Примеча-

тельно то, что рассуждения о вопросах, беспокоивших Церковь, совершались единодушно (Деян. 15,25), ... не единогласно. Когда же обращаемся к Соборам Вселенским, то узнаем, что их решения утверждались многозначительными словами:

— Изволися Духу Святому и нам... и еще — завершались возгласом — Все так веруем.

То есть — решения Соборов, «Католликон», оказывались словесным выражением Истины, единой верою созерцаемой всеми Отцами Соборов в едином духе. Так и было. Единодушие происходило от того корня внутренней, сердечной жизни, из которого выростала во всех сердцах совершенно во всем одинаковая: единая вера, вера, от слуха приобретаемая, питаемая словом Божиим (Рим. 10,17), возвращенная от веры в веру (Рим. 1, 17) по созревании освещающая внутреннего человека (сравн. Рим. 7, 22) и «обличающая невидимый мир» в осязаемой ясности и в том виде, как в ней были свидетельствованы древние (Евр. 2-й, 1-3).

Все. Так. Веруем.

В этих словах и лежит соборность. Отцы Соборов единым духом созерцали истину жизни и единым духом оценивали историческую действительность, в которой им Бог благоволил жить и творить, и жизнь свою они проводили в молитве и в посте, сосредоточенно вникая в каждое слово Святого Писания, изрекая каждое слово своих решений не во внешности слова, но в той глубине, где «умный луч проходит по стихам написанного и отличает ему голые слова от того, что душевному ведению сказано с великою мыслью», — как о том рассуждает мудрый Исаак Сирианин (см. в «Добротолубии» т. 2-й, стр. 453-я). Соборность видит высший смысл слова!

Быть может, эти строки попадут в руки читателей, вполне привыкших думать в рамках чувственности. Им покажется странным думать, что словам Святого Писания свойственна особенность содержать высший смысл, смысл из области духа. Что поделать! Степень слепоты и степень глухоты бывают разные, но знайте вы, неверы, что наша речь не напрасна, что каждое слово Святого Писания удостоверяется опытом исторической действительности. Опыт святых говорит о внутренних голосах, раскрывающих Истину. Во имя Истины мы и призываем всех к тому, чтобы от плотских мыслей демократического большинства возвышаться к вере, обличающие незримое, ибо это незримое есть. Вера и открывает смысл и вид соборности... и никаким компьютером тут не поможешь. Это жизнь духа.

Эта вера испытывала потрясения, но удерживала единение христианского мира вплоть до того прискорбного времени, когда Запад стал верить не той же верой, которою верит Православный Восток. Начав измерять предметы жизни духа измеряемыми, взятыми из жизни плоти, Запад остановиться не сумел, и это, а не что иное, привело к трагедии 16-го июня 1054-го года. Восстановление единства, восстановление Соборности есть, конечно, залог восстановления торжества Истины. Искать же истину в демократии — напрасный труд.

Н. КУСАКОВ